

ИСПОВЕДЬ БЛУДНОГО СЫНА

Рассказ

1.

Как быстро пролетает жизнь! Где-то с пятидесяти начинают посещать нас мысли о давно ушедших днях детства и юности. Мы неосознанно приукрашиваем те далёкие годы, и потому они возвращаются в нашу память, как самое светлое время в нашей судьбе. Пускай иногда становится стыдно за поступки, совершённые тогда по глупости, однако исправить уже ничего нельзя, и плохое и хорошее навсегда запечатлено на свитках вечности. Один случай из отроческих лет всё время не давал мне покоя; столько в нём сплелось разного, всего того, что составляет наше существование. Лет пятнадцать назад моя мать спросила меня, почему я не напишу историю нашего путешествия, которое мы совершили, сбежав из школы во время учебного года. Я думал: ей неприятно будет вспоминать ту неделю, принёсшую моим родителям столько переживаний, а вот, поди, ж ты, она сама попросила возродить события далёких лет. Без особого энтузиазма пообещал подумать над этим вопросом. И слишком долго думал. Нет уже мамы, а мне вдруг захотелось исполнить её просьбу, права, видно, народная мудрость – всему своё время. Только теперь совпали наши желания, ну, что ж, лучше поздно, чем никогда.

Начало шестидесятых 20-го века. В тот год весна очень долго добиралась до затерянного в Алтайских горах лесоучастка. Но всё-таки она пришла. Еле уловимым пением рябчиков, бормотанием собравшихся на ток косачей и вечерними криками летящих на родину журавлей. Речка, по берегу которой стояли одноэтажные бараки лесорубов, разлилась и подмывала насыпь узкоколейки, но сцепы, гружённые хлыстами пихты, осины и берёзы, маленькие тепловозы регулярно тянули в сторону города, где их перегружали на широкую колею и развозили по стройкам великой страны.

Интересна история создания этой, казалось бы, несерьёзной железной дороги, по которой за время её существования вывезены сотни тысяч кубометров алтайского леса. Как утверждает Николай Семёнович Клиновицкий, товарищ моей юности, родившийся в здешних горах и проработавший на Левоубинском лесничестве всю жизнь, геодезисты уже в 26 году стали вести исследования будущего рельсового пути от Риддера до Карагужихи. А в те довоенные годы даже до первого от города посёлка Крольчатник добирались на лошадях. Стройки первых пятилеток требовали

много леса, поэтому в тайгу направлялись бригады вальщиков, которые зимой заготавливали его, а во время разлива рек сплавляли вниз по течению. Вспоминаю, как моя одноклассница Клава Ионина, по каким-то причинам оставив школу, пошла на молевой сплав и погибла, затянута под плывущие с бешеной скоростью брёвна.

Все реки в довоенное и послевоенное время работали на индустриализацию молодой советской республики. Взять обмелевшую теперь речку Журавлиху, когда-то и она перенесла на своей спине тысячи кубов, срубленных на отрогах Синюхи Голухи и Синюшонка деревьев. Один из районов Риддера, где вынимали из воды сплавленные пихты и осины, до сих пор называется Гаванью. Немногие из молодого поколения знают историю этого названия. Профессия лесоруба всегда сопряжена с риском для жизни, а в довоенные, да и военные годы, когда во главе всего стоял план – жизнь человеческая стоила недорого. Неизвестно, сколько героев погибло в этой схватке между природой и человеком.

В сороковые годы прошлого века началось строительство железной дороги, которая могла бы обеспечить круглогодичное снабжение города и страны нужной древесиной. Но, пока шла укладка первых километров узкоколейки, риддерские рационализаторы нашли простое решение для увеличения доставки леса в город. Действовало оно лишь в зимнее время, пока стояли морозы. В снегу делался многокилометровый жёлоб, заливался водой, и по этой ледяной трассе на примитивных санях из брёвен целые составы сутунков везли вниз гусеничные трактора с названием «Сталинец». Это изобретение намного повысило производительность труда лесорубов. Так называемая «ледянка» действовала зимой, пока рельсовый путь не дошёл до водораздела между бассейнами Ульбы и Убы на 22-м километре. Здесь ледяная дорога не пригодилась, поскольку в гору сани не катятся. Новый толчок строительству дороги дала Великая Отечественная война. По всей трассе были сооружены лагеря, где в бараках жили и прокладывали рельсы путевые рабочие, пленные немцы и депортированные чеченцы.

После Победы строительство продолжилось и, наконец, в 1953 году дорога дошла до нашего посёлка, который назвали Синюшонок, по речке протекавшей рядом, а лесоучасток получил название Сакмариха по другой речке, в которую впадала первая. Через шесть лет ширина рельсового пути в связи с переходом на тепловозную тягу была сокращена с 1000 мм до 750. Благодаря нововведению производительность перевозок леса выросла в три раза. Ко времени, о котором идёт рассказ, дымные паровозы, которые на каждой остановке заправлялись водой из так называемых «водопадов», потом долго разогревали воду, превращая её в пар, заменили дизельные тепловозы; время пути от конечных станций Синюшонок и Королёвка значительно сократилось. Прокладка узкоколейки продолжалось, в Карагужиху она так и не добралась, но 58 километров железной дороги до устья Обдерики были построены. Правая ветка уже в восьмидесятых годах была проложена до посёлка Новая Королёвка и дальше верх по Чёрной Убе. С лесоучастков тепловозы с трудом везли сцепы, поднимаясь в гору, зато потом легко катились вниз. Как смеялись лесорубы, подражая стуку колёс: «На Та-тар-ку, на Та-тар-ку, а с Татарки не догонишь!» Татарка – гора под, которой находился разъезд «22 километр» откуда можно было катиться под уклон, как в сторону города, так и обратно на лесоучастки.

Такова вкратце история дороги нашего детства и отрочества, которую в лихие девяностые разобрали, а рельсы за гроши продали в Китай.

Однако вернёмся к заре нашей юности – счастливым шестидесятым.

В посёлке после зимней чистоты и благолепия господствовала жёлто-коричневая грязь и «Мазы», по ступицы утопая в раскисшей дороге, с надсадным рёвом везли и везли хлысты к крану «Деррик», чтоб перегрузить их на сцепы. Наш барак стоял как раз напротив этого перевалочного центра, и мы с утра до ночи могли наблюдать, как такелажники, зацепив тросами стволы, перегружали их с автомобилей на платформы.

Однажды, уже после армии, я приехал погостить к родителям и шёл в центр по досчатому тротуару; навстречу мне на первой скорости двигался гружёный лесом «МАЗ». На небольшом расстоянии из открывшейся двери кабины выскочил школьный друг Юрий и подбежал ко мне. Лесовоз в это время самостоятельно полз по глубокой колее. Мы обнялись, от него пахло медовухой, перекинувшись со мной парой слов, он вскочил на подножку подъехавшего в это время автомобиля, сел за руль и, как ни в чём, ни бывало, продолжил путь к подъёмному крану. Я долго улыбался, глядя вслед качавшимся из стороны в сторону хлыстам.

Рядом с бараками, вниз по улице, находилась школа, крупное одноэтажное здание с двумя выступающими пристройками по бокам. В послевоенные годы детей в семьях рождалось помногу, поэтому учебные заведения строились навыrost. По обочине лесовозной трассы вился деревянный тротуар, и на занятия можно было добраться в ботинках и туфлях, чего не скажешь об остальных частях посёлка, куда без сапог весной или осенью путь был заказан. Вообще долина, где мы жили, была довольно заболоченной, и лишь летом при хорошей погоде дорога высыхала и превращалась в две глубокие колеи.

Два года назад, когда наша семья на платформе, которую тянул дымящий паровоз, переехала в посёлок, с одной стороны школы разливалось настоящее озеро. Отец, назначенный сюда директором восьмилетки, засадил эту хлябь тальником, и через лето неприглядный участок почти высох и покрылся травой. Во дворе учебного заведения при содействии поселкового руководства, благо леса хватало, старшекласники под руководством директора построили спортивный городок. Два столба с перекладиной наверху позволили укрепить на ней кольца, канат, шест, а сбоку приладить турник. Теперь на переменах ребятня высыпала во двор, где выпускала накопленную за урок энергию кувыркаясь, подтягиваясь, влезая на головокружительную высоту.

Кому же этого было мало, бежали на поросшую берёзами, черёмухой и жёлтой акацией «Школьную гору», которая начиналась от штакетника, окружавшего двор учебного заведения. Здесь в закрытых от преподавательского взора укромных уголках курили, дрались, играли в карты, а старшекласники признавались подругам в первой любви.

Далее тротуар, немного не доходя до моста через речку, почему-то кончался, хотя бараки тянулись вдоль дороги уходящей в горы. Сразу за мостом находился административный центр с двухэтажной конторой, клубом, магазином, столовой и пекарней, выпекавшей хлеб, вкус которого помнится до сих пор. За речкой Сакмарихой, которая дала название лесоучастку, начинался частный сектор с избами, построенными по своему вкусу лесорубами. Широкая долина домами и огородами, коровами, гусями и курами напоминала обыкновенную сибирскую деревню. На лево, за речкой, высились длинные строения гаража, а еще дальше – конного двора. После небольшого перерыва, где дорога пролегла сквозь заросли тальника, чахлах тополей и шиповника, снова возникали ещё белые, свежесрубленные бараки, Это была так называемая «Новостройка», посёлок расширялся. Далее через Дмитриев

и Аннины луга лесовозная трасса уходила к полянам, где рубили лес и работяги «Мазы» доставляли его в посёлок.

Может быть, для кого-то место, где проходила наша юность, покажется малопривлекательным, но для нас эта чудесная страна остаётся одним из прекраснейших мест на земле. Там всё было впервые: и осознание земной красоты, и первая любовь, и первая боль, и таинственная неизвестность под названием жизнь, которую каждому придётся пройти самому, оставив родителей в этом самом посёлке детства и беззаботной молодости.

Как мы, глупые, желали этой заманчивой свободы! Но так уж устроено наше существование, что ни дня, ни часа, ни даже минуты нельзя возвратить назад и переиначить. Как в диктанте – написал, отдал учителю, и какую оценку ты получишь, зависит от твоих знаний и везения.

Майский день был хмур и прохладен. После уроков мальчишки собрались в классе вокруг Василия Страдова, тот щеголял в чёрной пилотке подводника со сверкающей кокардой, которую он называл «крабом». Всем хотелось потрогать или хотя бы на минуту надеть головной убор, привезённый ему с Чёрного моря дядькой, служившим на флоте офицером. Весна кружила голову отрокам, вселяла в души неясные мечты и томила несбыточными желаниями.

– А пойдём-ка, мужики, на Школьную гору, – предложил Василий, – у меня возникла гениальная идея!

В голове нашего товарища часто рождались замыслы, которые не всегда воплощались в жизнь, однако заинтригованные мы вскоре собрались на поляне, где всегда обсуждали мальчишеские вопросы. Черёмуха ещё только начинала выпускать бутончики соцветий, но слабый её запах витал над низкими кустами волчьей ягоды. Рассевшись на останках упавших от старости деревьев, приготовились слушать одноклассника. Среднего роста, с лицом, украшенным задорно торчащим носом и светло голубыми глазами, он привлекал нас жизнерадостностью, неуёмной фантазией, уверенностью в себе.

– В последнем номере городской газеты «Маяк», – начал Василий, – я прочитал заметку о женском старообрядческом монастыре, который находится не так уж далеко от нас в долине реки Убы. В начале тридцатых годов его разогнали, но его богатства иконы в золотых окладах, древние книги, серебряный колокол – до сих пор не могут найти. Покойный дед говорил мне, что всё это спрятано где-то в скалах на вершине горы Теремок. Я бывал в тех местах с братом, считаю, не заблудимся. Пойдём в воскресенье, на поиски нам недели хватит, к концу учебного года вернёмся, а победителей, как известно, не судят. К тому же в случае удачи 25% от найденных ценностей по закону будет принадлежать нам.

Слова товарища упали на благодатную почву. Мы знали, что его дед по матери Нифантий в начале века был одним из основателей Покровского старообрядческого монастыря, и потому поверили Василию безоговорочно. Была ещё одна тайная причина – конец учебного года, а учиться нам, оболтусам, ой, как не хотелось, потому так легко согласились на авантюру. Из класса нас набралось всего шесть человек, остальные разделились на тех, кто поддерживал нас, и тех, кто не одобрял нашего дурацкого похода. Особенно старались отговорить нас от путешествия Витька Гюнтер и Колька Сысоев. Они с другими одноклассниками доказывали всю сумасбродность этого поступка. Но их старания были напрасными. Чтобы оставить в тайне наш маршрут, мы попросили одноклассников говорить всем, что мы решили сбежать в Китай.

И вот по темноте, сказав родителям, что пошли поохотиться на рябчиков, мы вышли из посёлка и двинулись рядом с лесовозной трассой к приключениям, ждавшим нас в весеннем лесу. Нашу группу составляли дети лесорубов: Лёха Вавилин – по прозвищу Сват-Вавила, Лёшка Нагорнов, Вася Антропов. У Васи Страдова отец был пасечником, у Гени Бреуса – механиком, у меня директором школы. В стране побеждающего социализма все мы были равны. Рюкзаки с продуктами были тяжелы, но их вес вселял надежду, что во время похода мы не будем испытывать чувства голода. Взятые у родителей ружья и патроны давали бесстрашие и уверенность в себе. Один я оставался безоружным, но Геня пообещал, что будет давать мне свою переломку. Полная радужных мечтаний, группа семиклассников легко шагала навстречу заре. Прошли Дмитриев луг, В небольшом перелеске миновали перекинутый через ручей «Пчелинцев мост», названный так в честь незадачливого водителя лесовоза, умудрявшегося несколько раз сваливаться с бревенчатого сооружения, будто его кто-то всякий раз толкал под руку, когда он проезжал по роковому для него месту.

Остался слева довольно большой Аннин луг, известный целыми плантациями дикого лука, называемого «осочка». В начале лета мы приходили сюда с мешками и набивали их не круглыми, как у домашнего и горного, а многогранными перьями полезного для здоровья растения.

Природа в это время года не блистала красотой: кроме вечнозелёных пихт всё вокруг казалось жёлто-серым, только с рассветом поляны и пригорки стали радовать глаз разноцветьем подснежников. Идти стало веселей. Рядом гремела речка Гришиха, повсвистывали в куртинах синицы и поползни, стремительно выскакивали из кустов уже серые зайцы. На противоположном берегу сквозь голые ветви проплыли замшелые крыши деревни Нижняя Сакмариха, которую ещё до революции основали старообрядцы. С приездом в эти места лесорубов деревня понемногу сокращалась, кто-то переехал на лесоучасток, оставшиеся старожилы тоже подумывали, куда бы перебраться. Древней кержацкой жизни, державшейся на вере и родственных связях, подходил конец. Дети уезжавшие учиться в советские школы, вернувшись, относились к религии и традициям без должного почтения. И лишь немногие адепты древлеправославия сохранили в своих поселениях обычаи, иконы, старинные книги по которым молились, как и сотни лет назад их предки.

Мы бодро шагали под хмурым небом, некоторое оживление в урочище Горелом вызвали у нас следы медведицы и медвежонка, оставленные на подсохшей грязи рядом с дорогой. Почему-то такие отметины хозяина тайги всегда тянут на воспоминания о встречах с этим мощным и красивым хозяином Алтайских гор. Проживая на лесоучастке, каждый из нас хотя бы один раз встречался с косолапым в походах за ягодой, ревенем или кедровыми орехами. В посёлке почти в каждой семье держали домашний скот, а коровы, телята и овцы в голодные для лесных обитателей годы были лакомой добычей хозяина тайги. Особую любовь питает он к псекам, и не дай Бог, когда такой любитель нектара поведется на постав, трудно бывает его отучить от этой дурной привычки, в крайних случаях охотники убивают ставшего опасным зверя.

Поднимаясь на перевал, который служит водоразделом между бассейнами рек Убы и Сакмарихи, я с интересом слушал рассказы товарищей о неожиданных столкновениях, как правило, счастливо заканчивавшихся для юных собирателей даров природы. Особенно много медвежьих баек знал Василий Страдов, отец и братья которого были потомственными пчеловодами.

– Жил я в прошлом году летом у брата на пасеке, вначале всё было спокойно – рассказывал он, – но на третью ночь Александр часа в четыре разбудил меня, говорит:

– Вставай, «Проклятый» пришёл, надо как-то отпугнуть зверя, иначе он всю пасеку нам испакостит! Хоть издалека покричишь, когда людей много мишка боится.

Он зарядил двустволку, взвёл курки, и мы, осторожно ступая, направились к дальнему концу пасеки, подойдя к пряслу, увидели сломанную жердь и сиротливо торчащие из земли колышки, на которых совсем недавно стоял один из ульев. Была середина июля – самый медосбор, ноша была тяжёлой, но лесной житель без труда доставил её к ручью и утопил в самом глубоком месте. Мы с братом подошли позже и с берега наблюдали, как зверь жевал соты с мёдом и отмахивался от уцелевших пчёл. Не выдержав нанесённой обиды, пчеловод выстрелил дробью из двух стволов, и мы, изо всех сил заорав, стали колотить палками по стволам деревьев. Медведь хоть и здоров, но довольно труслив, так драпанул в ближайший лесок, что мы его только и видели. Потом, рассказывал мне брат, он несколько раз отпугивал косолапого от постава, пока тот не забыл дорогу на пасеку. Только после этого Александр стал жить, не боясь «Проклятого», так называл он лохматого любителя мёда.

Погода стала улучшаться, когда мы достигли перелома (так в наших местах называют высшую точку подъёма, откуда начинается спуск). С интересом, дослушав рассказ Василия, зашагали дальше. Дорога некоторое время проходила по хребту, потом стала спускаться, и мы вошли в долину речки Пахотушки одного из многочисленных притоков Убы. Вдали показались какие-то строения.

– Ну, вот мы и дошли до владений бабушки Аллаихи – торжественно произнёс Василий.

Евдокия Ивановна была легендарной личностью в наших краях. Приехали они с больным мужем на сплавной участок Пахотное во время войны. Здесь работала дочь Зинаида, учившая в семилетней школе детей лесорубов. Врачи посоветовали бывшему начальнику милиции одного из районов города Новосибирска Борису Ивановичу Алаеву сменить климат, поэтому они совершили далёкое путешествие на Алтай. Но переезд не помог супругу, и осталась Евдокия вдовой. Время было трудное, а женщине нужно было поднимать младших детей. Работать приходилось на износ. Рядом находились бараки с военнопленными и заключёнными, но такое соседство не пугало закалённую невзгодами женщину. Она понимала: за колючей проволокой тоже люди, значит, нужно со всеми сосуществовать. Приходилось иногда делиться своей скудной пайкой с работающими рядом немцами и зеками, понимая, что им выживать намного труднее.

Пережила Евдокия Ивановна войну, потом закрытие лесоучастка и осталась почти одна невдалеке от опустевшего посёлка. Завела хозяйство, пасеку и стала жить, надеясь только на себя. Вскоре женился сын Володя, и они со снохой Леной поселились рядом. Где-то в это время мы и посетили её поселёе.

Трудно себе представить с какой радостью хозяйка приняла нас.

– Да миленькие мои ребятишечки, да вы, наверно, проголодались, проходите в избу, я вас сейчас покормлю!

И она, рассадив нас за столом, поставила на него два эмалированных таза один с мёдом, другой с творогом, принесла чашку сметаны, домашнего хлеба, тарелки и ложки.

– Кушайте, гости мои дорогие!

Евдокия Ивановна подкладывала нам еду и с умилением смотрела, как мы за обе щеки уплетали мёд и творог. В это время пришёл с охоты её сын, бросил на лавку несколько рябчиков и повесил на стену небольшую винтовку. Она очень заинтересовало нас. С разрешения хозяина мы передавая из рук в руки, рассматривали лёгкую и красивую охотничью мелкокалиберку. Натешившись с игрушкой, засобирались в дорогу.

Не помню, что мы напели хозяевам о цели нашего путешествия, но они вопросов не задавали. Спросили у Владимира, где тут можно переночевать и он указал на противоположный берег речки.

– Вон, смотрите, на пригорке два покинутых дома стоят, там и располагайтесь, они вполне пригодны для жилья.

Оставив слева развалины посёлка, наша команда направилась к слышной издалека весенней Убе. Река залила прибрежные луга и тальниковые заросли. Набрал для ужина на прибрежных скалах молодые стебли дикого чеснока, листья слизуна, в наступающих сумерках подошли к одному из домов указанных нам для ночлега. Видимо, построен он был недавно, казалось, люди просто куда-то ушли по своим делам. Растопили печь, приготовили нехитрую еду, поужинали при свечах и завалились на голые решётки кроватей. Сон быстро сморил нас, сказалась, видно, усталость, ведь прошагали мы немало. Среди ночи меня разбудил громкий детский плач, я встал и подошёл к окну, плач раздавался из темневшего в ночи пихтача. Стало страшно, товарищи мои спокойно спали, а мне в голову лезли ужасные мысли. Чего только не почудилось мне. И лешие, и вурдалаки, и покойники, и прочая нечисть. Не знаю, чем закончились бы эти мои фантазии, если б не Лёха Вавилин, севший на постели. Я бросился к нему и стал показывать пальцем в окно, но он прислушался к доносившимся звукам, заулыбался и прошептал.

– Это всего-навсего сыч кричит. Эх, ты таёжник! Что, ни разу не слышал таких концертов?

Долго потом я не смог заснуть, всё-таки здорово напугал меня маленький, но близкий родственник совы.

Утро встретило нас мелким дождём. Вдалеке просматривалось поселёе Алаевых. Мы вновь заговорили о женщине, которая покорила нас своим гостеприимством, лаской и добротой. Вася Антропов, черноволосый атлетического сложения отрок, поведал о богатстве бабушки, которая когда-то будто бы дала денег на зарплату для рабочих начальнику стоявшего неподалёку отряда геологов. Их по каким-то причинам оставили без аванса и получки. Когда отдавали долг, начальник партии спросил бабушку:

– А что бы вы делали, если б мы деньги не вернули?

На что последовал ответ:

А попробовали бы, потом снова попросить в долг – больше не дала бы!

История эта до сих пор живёт в памяти народной, обросшая ворохом домыслов и фантазий.

Я тоже припомнил один случай. В столовую лесоучастка в день выборов завезли бочковое пиво, которое лесорубы видели только по праздникам. Каждая семья отправляла кого-то с ведром для приобретения бодрящего напитка. Тогда отцовский жребий выпал на меня. В торговой точке сидели лесорубы и потягивали из кружек пенный дефицит. Наполнив эмалированную тару, я уже собрался уходить, но в это время в помещение вошла приехавшая из Пахотного проголосовать Евдокия

Ивановна. Сидящие, уважительно поприветствовали женщину, лишь подвыпивший Коля-Пшонич, развязно обратился к женщине:

– Бабушка, а ты можешь взять мне ведро пива?

Он видимо наслушался сплетен о богатстве лесной жительницы. Та в ответ выдвинула своё условие:

– Давай так, бери ведро, и если выпьешь, я оплачу!

Озадаченный парень, побоявшись не осилить такое количество хмельного на питка, отказался от заманчивого пари и, чтоб не быть осмеянным товарищами, незаметно выскользнул из столовой.

Вот такая она была, Евдокия Ивановна Алаева, добрая, но умевшая поставить на место зарвавшегося нахала.

2.

В разговорах и воспоминаниях мы поднимались вверх по сырой прошлогодней траве. Дождь то утихал, то сыпал снова, одежда стала влажной и тяжёлой, особенно ватные телогрейки, привычная одежда поселковой ребятни. Шли без дороги, примерно зная нужное направление, где ждала нас заветная гора Теремок. Перевалив несколько невысоких сопок, возле ручья устроились на привал. Время подходило к полудню, нужно было разводите костёр. Наломав с поваленных пихт жёлто-красных, лап и сухих веток, зажгли небольшой костерок, а когда он разгорелся, наложили сверху сухостоя, и вскоре у нас разгорелся полноценный костёр. Теперь можно было просушить одежду и пообедать, тем более погода стала налаживаться, и небо поглубело. Вскипятили чай, разложили на хвойных ветках захваченный из дома припас: хлеб, сало, солёные огурцы, прикатали пару брёвен и, усевшись на них, стали есть. После чая полежали на запашистом лапнике, обдумывая, как продолжать путь далее. Поняв, что двигаться без тропы довольно трудно, решили спуститься к Убе, где по берегу должна быть хоть какая-то, но дорога. Одежда наша просохла. Повеселевшие, мы зашагали вниз по ручью, который, принимая в себя тонкие струйки воды, к устью становился похожим на речку.

Вставшие на пути скалы вновь заставили подниматься в гору. Преодолев и эту преграду, наш небольшой отряд нашёл-таки конную тропу, она шла параллельно руслу по многометровому утёсу. Река бурлила в ущелье, неся на себе подмытые деревья и кусты. Под пышными кронами мы прилегли отдохнуть, измученные ходьбой по бездорожью. Но молодые наши тела не терпели состояния покоя. Геня Бреус достал сделанный из консервной банки манок и стал тонко посвистывать, подражая рябчику. Ждать ответа долго не пришлось, где-то невдалеке послышался свист ищущей пары птицы. Зарядив ружья мелкой дробью, молодые охотники разбрелись по лесу, чтобы не мешать друг другу в поисках добычи. Вскоре вдали зазвучали хлопки выстрелов. Через пару часов весёлые спутники вновь воссоединились на берегу. Ни один из нас не вернулся налегке, каждый принёс две, а то и три серых курочки. Даже я из взятого у Гени ружья подстрелил дикого голубя.

Надо сказать, что охотник был из меня никудышный. Эта истина открылась мне после нескольких походов с братом Сергеем по окрестностям лесоучастка. Тот и глухарей, и косачей добывал, на мою же долю лишь иногда доставался рябчик. Рыбалка тоже не радовала меня, только однажды поймал небольшого тайменя. Но, осознав истину, что охотником нужно родиться, я никогда не задумывался над этим, надеясь, что мне предназначена иная дорога в жизни.

Ребята с гордостью смотрели на ворох добытых птиц. Неожиданно одна из них встрепенулась и выкатилась из общей кучи. Сват – Вавила поднял её, выдернул из крыла перо и, взяв за голову, вонзил его в основание черепа. Сразу обмякшего рябчика со словами «Чтоб не мучился» положил на место. Иногда этот флегматичный, небольшого роста светловолосый крепыш поражал нас своими поступками. Но мы любили его за то, что он в любое время мог ввязаться в драку и прийти на помощь попавшим в беду друзьям.

А спутники, разгорячённые охотой, вспоминали свои прошлые приключения. Геня Бреус рассказал, как убил медвежонка. Его мать подстрелили браконьеры, но она, раненая, увела детёныша в дебри и там от полученных ран скончалась. Наш товарищ, охотясь тогда с отцом на косачей, наткнулся на скулящего возле матери зверёныша, не зная, что предпринять, дождался папашу. Тот сразу поняв, в чём дело сказал сыну:

– Стреляй! Всё равно он один в лесу погибнет. Для тебя это будет наука – нельзя убивать самку, у которой есть детёныши не только медведя, но и любого зверя.

И сыну пришлось застрелить малыша. Рассказывал он об этом с сожалением, однако я вспомнил, как гордо шёл наш товарищ по посёлку, неся на плечах свой трофей.

Геня был потомком обрусевших прибалтов. Среди нас он выделялся высоким ростом и на удивление тонким голосом. Его не терпящая покоя натура, заставляла ввязываться в любую авантюру, задуманную одноклассниками, будь то угон лошадей с конного двора, чтобы покататься, или езда на тракторе без разрешения хозяина.

Товарищи по-разному отнеслись к рассказу, но в итоге согласились, что медвежонка нужно было убить. Живущие на лесоучастке, где в каждом дворе имелись коровы и другой домашний скот, мы с детства привыкли к необходимости поздней осенью забивать на мясо бычков, свиней, да тех же гусей, кур и уток. Никто не мог отказаться от этой неприятной обязанности, ссылаясь на страх или нежелание. Если отец сказал, нужно было исполнять. Да и желание не опозориться перед сверстниками играло тут большую роль. Сколько бы пришлось выслушать насмешек от друзей и обвинений в трусости. Звание мужчины зарабатывалось и таким способом.

Второй день путешествия подходил к концу. Нужно было выбрать место для ночлега. Пройдя несколько километров, мы нашли ровное место под столетними пихтами рядом с ручьём. Вскоре запыхал большой костёр. Одни стали ломать лапник, другие щипать птицу для предстоящего ужина. Эти дела не заняли много времени и вот ребята, нанизав потрошёных рябчиков на ветки-шампуры, жарили их над огнём. Одурачивающий аромат поплыл над сумеречным лесом, вызывая нешуточный аппетит. Вскоре от дичи ничего не остались. Запив ужин чаем, стали готовиться к ночлегу. Сдвинули горящие ветки в сторону, наложили в огонь крупных, сырых валёжин, чтоб дольше держалось тепло, укрыли кострище пихтовым лапником и улеглись на мягкое ложе. Ноги согревал костёр, снизу шло тепло от прогретой земли, эфирный запах хвои быстро затуманил наше сознание, отдав в объятья сна.

Утро быстро вернуло к суровой действительности. От костра остался один пепел, земля под нами остыла. Самые нежные проснулись и начали оживлять угасавшее пламя. Только Лёшка Вавилин и Вася Антропов спали, как убитые, несмотря на холодный, сырой воздух, поднимающийся от реки. Наконец запах брошенной в

кипяток душицы, разбудил и этих засонь. Наскоро позавтракав, стали собираться в путь. Водой из ручья залили не давший замёрзнуть ночью огонь, собрали вещи и пошли к шедшей по краю утёса тропе.

Шагать по натоптанной лошадыми узкой дорожке было намного легче, чем по бездорожью. Компания повеселела, Лёшка Нагорнов, мордвин по национальности, вдруг запел радостную, непонятную нам песню. Его конопатое лицо выражало полное слияние с музыкой. Чем-то древним повеяло от мелодии затерявшегося на просторах России народа. Да и вокруг всё было пронизано вечностью – скалы над рекой, открывшиеся вдалеке остроконечные вершины гор, наконец, бездонное голубое небо. Мы почувствовали себя древними людьми, открывавшими нехоженые пути и неизвестные страны.

Расположившись отдохнуть на краю берегового обрыва, мы любовались открывшимися красотами, впитывая на всю жизнь неповторимую прелесть Алтайских гор. Вдруг издалека донёсся неясный рокот, который становился всё яснее. Стало понятно, что вверх по течению Убы летит вертолёт. Вася Страдов скомандовал нам затаиться под доходящими до земли ветвями пихт. Винтокрылая машина медленно проплыла по ущелью на уровне тропы, метрах в пятнадцать от берега. Из нашего укрытия мы чётко видели за стеклом кабины пилота осматривающего окрестности. Гул моторов долго звучал над рекой, пока не утих за очередным поворотом.

Заметно было, как погрустнели лица только что весёлых спутников.

– Не факт, что это нас искали, – произнёс наш атаман, – мало ли по каким делам геологи летают.

Но видно было, эти слова никого не убедили.

– Ничего, найдём колокол, и всё встанет на свои места.

Ребята промолчали, но видно было, как тени сомнения омрачили некоторые лица. С этого момента первая трещинка разлада появились на монолите нашего дружного коллектива, хотя на первых порах ничего такого не было заметно. Некоторая задумчивость прошла, когда мы спустились в широкую долину речки Банной. Недалеко возле её устья когда-то находился Покровский женский старообрядческий монастырь поморского согласия. Любознательности нам было не занимать, потому странники разбрелись по берегу. Кто-то в надежде подстрелить утку, другие просто осмотреть окрестности. Я направился к бушевавшей Убе, реке моего детства. Смотреть на бушующую мутную воду было страшновато, но в то же время поток, как магнитом притягивал взгляд. Было в нём какое-то волшебство. Казалось, вот-вот выскочит из волны русалка и утянет тебя за собой в бездонную глубину. Наверное, тогда я стал сочинять стихи, так, отрывочные строки, которые никуда не записывал. В то время память позволяла это делать.

Насмотревшись на буйство весенних вод, пошёл по берегу, надеясь увидеть и подстрелить хотя бы малюсенького чирка, но утки пролетали дальше досягаемости выстрела. Впереди на возвышении увидел убегающего журавля, зная, что этих красивых птиц стрелять грех, я даже не дотронулся до ружья. А тот то взлетал, то садился невдалеке от меня. Я понял: где-то рядом гнездо. И действительно, вскоре увидел в траве два больших яйца. Взяв в руки одно из них, зачем-то стал рассматривать его. От яйца исходило тепло вспугнутой мною самки. Подошедший Вася Антропов закричал на меня:

– Зачем ты взял его в руки? Теперь журавли покинут гнездо, не вынесут твоего запаха! Я вначале не поверил ему, но, подойдя к кладке часа через два, вновь коснулся яиц; к моему великому сожалению, они были холодными. Вот так нена-

роком, из любопытства я нарушил гармонию природы. До сих пор воспоминание об этом случае царапает душу.

В день, когда нас озадачил вертолёт, никаких заметных дел мы не совершили, лишь Лёшка Вавилин подстрелил очень красивую утку крохалея. За разлившейся речкой Банной высилась цель нашего путешествия гора Большой Теремок, а сзади на фоне неба темнел контур Малого Теремка, обойдённого нами по берегу Убы. На вершину Большого, которая достигала 1700 метров над уровнем моря, завтра нам предстояло подняться и испытать или радость победы, или горечь поражения. Разлившаяся речка усложнила нам путь. Для переправы пришлось подняться вверх по течению и после долгих поисков найти, упавшую на наше счастье через поток толстую берёзу. Переправа была недолгой, и мы вновь зашагали без дороги по вечерней тайге. Решили уже сегодня подняться как можно выше, чтоб завтра до обеда подойти к скалам у вершины и начать поиски. Перепрыгивая через ручьи, цепочкой наша группа начала подъём к заветной вершине. Мы шли, то и дело, обходя или перелезая через упавшие деревья. Вскоре дорогу нам преградила сплошная полоса поваленного леса. Пихты лежали вершинами к подножью горы широкой полосой. До сих пор мне не даёт покоя вопрос, что явилось причиной такого лесоповала. Первое, что пришло нам в голову это снежная лавина, пронёсшаяся по склону и сделавшая такую просеку. А может, это наделала одна из ступеней ракетносителя, которые падали здесь после отделения от космического корабля. Остатки «Союзов» частенько можно было встретить в пойме Убы до самой Карагужихи. Рождались предположения одно фантастичнее другого.

Однако преграду нужно было преодолевать, другого выхода у нас не было. Каких только акробатических номеров не пришлось нам исполнять, карабкаясь, перелезая, подлезая под стволы тридцатиметровых пихт, поверженных на склон неизвестным явлением. Вымотанные до предела, мы упали в жёлто-серую прошлогоднюю траву на другой стороне почти непреодолимой преграды. О дальнейшем восхождении не могло быть и речи. К тому же приближался вечер. Дотащившись до первого ручья, приготовили маломальский ужин и уснули, забыв обо всём на свете.

3.

А в посёлке в это время родители собрались в кабинете директора школы. Такие встречи стали ежедневными. Матери беглецов вытирали заплаканные глаза. Мужчинам было некогда, их ждала работа, кубометры неспиленного леса. Лишь отец Васи Страдова Александр Герасимович, придя один раз и услышав озвученную одноклассниками дезинформацию, что мы решили уйти за границу, заявил:

– Ни в какой Китай я не верю! Надоело им учиться вот и сбежали. Голод не тётка, есть захотят, вернуться!

Старообрядческое воспитание, говорившее, что всё что ни случается – ниспослано Богом, позволяло ему спокойно относиться к жизненным передрыгам. Казалось, вошедшее в его сознание «Бог дал, бог взял», оставляло его равнодушным. Не верил Александр Герасимович, что его Васька, воспитанный, как настоящий таёжник может пропасть в родном лесу. Но кто знал, что творилось в душе пчеловода на самом деле?

Измученные неизвестностью женщины с надеждой смотрели на директора школы. А тот вводил их в курс произошедших событий:

– Давайте успокоимся, оттого, что мы будем изводить себя дурными мыслями, легче не станет. Я сам в таком же положении, как и вы, будем вместе думать, как

выходить из создавшегося положения. Со своей стороны, я договорился с геологами, чтоб с вертолѐта осмотрели берега Убы от Пахотного до Ермолаевки. Теперь вот жду, что сообщат пилоты, сами знаете, телефонов у нас в посёлке всего два – на разъезде и в конторе лесоучастка. Остаётся ждать и надеяться на лучшее.

Женщины безрадостно побрели по домам, каждую ждали крестьянские заботы. Уход за коровами и телятами, гуси, утки, индюшки уже сидели на яйцах, хозяйство требовало заботы, иначе по осени не будет ни говядины, ни птицы, и долгую зиму есть будет нечего. В то время семьи лесорубов всё лето обходились без мяса, если не считать изредка приезжавшей вагон-лавки, где можно было отовариться свиной или говядиной. Отсутствие холодильников не позволяло делать больших запасов скоропортящихся продуктов. Лишь ко времени тяжѐлых работ, таких, к примеру, как сенокос, рубили кур, чтоб работающие в поле могли поддерживать силы. Тут уж не было скидок на возраст, каждому доставалось дело по силам. Зато зимой мяса было вдоволь, на любой вкус. Ежедневно в печах или духовках настаивались супы, борщи и другая еда. Но я отвлѐкся от темы, вспоминая нашу, в общем-то, забываемую весѐлую детскую жизнь, когда каждый день приносил радость узнавания чего-то нового, неизвестного.

Для матерей самое тяжѐлое в ожидании пропавшего ребёнка – неизвестность. Какие только мысли не посещают их головы в трудные минуты. Все мыслимые и немыслимые варианты и ситуации примеряют они к затерявшимся в неизвестности чадам.

Моя мать не была исключением среди других матерей. Выросшая в семье староверов, она с рождения впитала в себя все правила бытия своих родителей и родственников. Молитвы, посты, почитание старших, любовь к ближнему были заложены в её сознание навсегда. С малых лет она познала людское добро, и в меньшей степени – людскую несправедливость и жестокость. Её детство выпало на чёрный период коллективизации, когда после ареста отца их семья осталась без средств к существованию и мыкалась по родным и односельчанам. Мать Федосью с детьми тоже хотели выслать в Сибирь. Собрав из разных деревень колонну таких же несчастных раскулаченных, погнали до Гусиной пристани, что близ Усть-Бухтармы, но по какой-то причине вернули обратно. Она всегда вспоминала этот трудный путь, когда они, голодные, из последних сил брели в свою деревню, где оставалась хоть какая-то надежда не умереть с голода. Потом жизнь в советском государстве, работа в школе научили её скрывать свои убеждения, оставаясь в душе верной Богу. Отец был коммунистом, но, несмотря на то, что родители матери были раскулачены и репрессированы, придя с фронта в село Поперечное, женился на ней, и к тому времени, когда нам было суждено перебраться на лесоучасток, в семье насчитывалось шесть детей. Меня, как первенца, втайне от отца дед Максим всё-таки окрестил у духовного отца беспоповцев без стариковского согласия. К шестнадцати годам я никогда не скрывал, что являюсь потомком старообрядцев, благодаря своей родне и матери. Как она успевала справляться с детьми и работать в школе, одному богу известно, но все были обстираны, одеты, обуты и сыты. Моё исчезновение стало для неё большим испытанием.

Оказалось, что молитвы, затверженные в детстве, не забылись, и она, где-нибудь уединившись, читала: «...В болезнях сущия посети и исцели, в темницах сущих свободи, по водам плавающим Правитель буди и иже в путех шествующих, исправи и поспеши...» Читая молитву полностью, с поклонами и крестными знаменами она чувствовала, как тревога, мучившая в последнее время её душу

становится слабее, а надежда на благополучное возвращение сына более осязаемой. Успокоенная древними христианскими текстами, она шла в школу к своим ученикам, которые, толкаясь, окружали свою первую и любимую учительницу Марию Максимовну. Работа с детьми отвлекала её от невесёлых мыслей о блудившем в тайге сыне.

Трудными были дни и ночи для всех родителей, с тревогой ждавших хоть каких-то известий о неблагодарных отроках. Наверное, так и бывает в жизни, за некоторыми исключениями, умные дети радуют родителей, глупые огорчают. Но у каждого своя судьба, и никому не удастся изменить предначертанный путь. Бесплезно потом, когда пройдёт время, говорить, что поступать нужно было иначе, происшедшего уже не исправишь.

Теперь, возвращаясь в те далёкие дни, заново переживаю и прошу прощения у родителей, которых давно уже нет, знаю, они, оттуда глядя на меня, принимают мои запоздалые извинения. Представляю, как нелегко было Семёну Леонтьевичу, заслужившему уважение на лесоучастке за профессионализм, доброжелательность, умение не выделяться среди лесорубов, шофёров, пилоправов, бульдозеристов, механиков и конюхов. Наравне с ними он сажал, полол, окучивал картошку, косил и убирал сено, держал скотину и птицу. И может быть, поэтому никто не упрекнул директора школы за то, что он плохо воспитал своего сына, а просто сочувствовали ему. Нужно сказать, у отца было большое сердце – ИБС, как пишут сейчас в больничных карточках. Иногда с ним случались приступы, но мать и вызванный из медпункта фельдшер справлялись с ними. Для меня его болезнь, благодаря детскому эгоизму существовала где-то в стороне, пока однажды мы не остались дома вдвоём. Были летние каникулы, мать с братьями уехали в город. Всё было, как обычно, поужинав, легли спать.

Среди ночи меня разбудил стук донёсшийся из соседней комнаты шум. Я зажег десятилинейную керосиновую лампу и увидел на полу отца, скрученного судорогами. Не поддаваясь страху, охватившему меня, вспомнил то небольшое, что запомнил, видя, как мать с фельдшером выводили его из приступа, с трудом разжал ему зубы и высыпал в рот таблетки, залив их водой, потом стал делать искусственное дыхание. Моя душа то опускалась в преисподнюю, когда его дыхание останавливалось, то поднималась в небо, когда его грудь со стоном начинала подниматься от вдыхающих воздух лёгких. Фельдшера в посёлке не было, он уехал по своим делам в Лениногорск, и никто не мог мне помочь. Долгой показалась июньская темень для моего непривычного к таким испытаниям сознания. Отец на некоторое время приходил в себя, осмысленно смотрел на меня и вокруг, а потом вытягивался в струну и переставал дышать. Снова и снова я делал ему искусственное дыхание, разжимал зубы, давал лекарства. Жалость смешивалась во мне со страхом перед нависшей угрозой смерти, видимо, тогда я осознал, как хрупка наша жизнь и, как бы мы не успокаивали себя, что человек хозяин своей судьбы, по большому счёту всё это ложь, кто-то невидимый руководит нашей жизнью до самой кончины. Доктор был из меня не очень хороший, однако к рассвету мой пациент начал оживать, а когда он попросил у меня закурить, мне стало понятно, кризис миновал. Выкурив беломорину, отец расслабился и уснул. Я тоже прикорнул на соседней кровати. Каково же было моё удивление, когда, проснувшись, увидел его пустую постель. Выйдя на мощёный плахами двор, заметил, что тот кормит, гусей и уток, насыпав в корыто зерно. Спросив о самочувствии, услышал:

– Бывало и хуже.

Больше ни о прошедшей ночи, ни о своей болезни отец распространяться не пожелал. Понимая, что после таких приступов его тело должно было невероятно болеть, я удивлялся его терпению и выдержке. Лишь где-то к обеду он прилёг отдохнуть, мне пришлось прислушиваться к его дыханию, но, к счастью, приступов больше не повторялось.

Теперь, прожив шестьдесят с лишним лет, понимаю, сколько лет жизни я отнял у родителя своим поступком.

В посёлке же главной темой разговоров собиравшихся в магазине или у пекарни женщин, были сбежавшие школьники.

– И чо им не хватало: – судачили жены лесорубов. – мало пороли засранцев! Распустился народ при Хрущёве, раньше бы и родители, и детки в тюрьму загремели, зато порядок был! А теперь ни отца с матерью, ни учителей в грош не ставят. Ишь, чего придумали – в Китай бежать! Калачи с маслом им там приготовили. Куды страна котится?

Такие же или примерно такие речи можно было услышать в любом доме, где были наши ровесники, наш отрицательный пример служил воспитательным целям, и вопрос «ты тоже в Китай собрался?» можно было часто услышать в разговоре с взрослыми.

4.

А наша усталая компания безмятежно спала возле костра, лишь иногда кто-то, почувствовав холод, просыпался, подкидывал в огонь дров и снова предавался сладкому сну.

Вместе с рассветом зморосил редкий дождь. Наскоро закусив хлебом с салом, пошвырвав чая, мы продолжили подъём. Облака плыли высоко, и вскоре стали видны скалы, венчающие вершину Теремка. Подойдя ближе, я поразился величине этих выросших из земли утёсов. Василий с восхищением смотрел на неповторимый шедевр природы и, словно успокаивая себя, твердил:

– Вот здесь, мы найдём и славу, и богатство!

– Или бесславию и нищете, да ещё и наказание, которое ждёт нас от родителей и учителей, – пробурчал Лёха Вавилин.

– Я никого силой сюда не вёл, все пошли добровольно, – ответил ему Страдов, – вы посмотрите, ведь это настоящий средневековый замок!

В отличие от эйфории первых дней похода, было заметно, как пропадает вера в удачу у моих сотоварищей. Всё чаще можно было увидеть то одного, то другого одноклассника, с грустью думающего о чём-то далёком, не связанном с поисками сокровищ. А ведь цель была рядом, стоило только подняться и разыскать пещеру. Надежда на скорое окончание начатого дела, красота скал придавала сил, и мы вновь двинулась вверх по склону.

Здесь, на Теремке, громадный, коронующий вершину останец стал центром нашего внимания. Он походил на построенный великанами сказочный замок с башнями и зубчатыми стенами. Околдованные невиданным зрелищем, мы незаметно для себя поднялись к подножию нерукотворного сооружения. Однако впитанная с детства привычка покорять всякую вершину заставила нас взобраться далее, к гряде скал, похожих на лежащего динозавра. Сначала мы приняли её за высшую точку горы, но замок, стоящий несколько сбоку, и зубья вершины, оказались на одном уровне. Решили обследовать это место; каждый выбрал себе участок, и ребята разбрелись, осматривая причудливые нагромождения камней. Меня привлекла

скала, напоминая стоящего на задних лапах медведя, поэтому я направился в её сторону. Подойдя ближе, я досыта налюбовался творением дождей, ветра и температуры. Конечно, грубому подобию хозяина тайги далеко до классической скульптуры, но абстрактные изваяния современных авторов оно даже превосходило, так как материал и творцы сами были плотью окружающей природы.

– Давайте спускаться к «Замку», здесь наверху мы ничего не найдём, слишком это было бы легко, – наш атаман покраснел, взволнованный предстоящим финалом экспедиции.

– Скоро мы узнаем, есть на свете счастье или его не существует, – сказал ехидно Лёха Вавилин, больше всех сомневавшийся в исходе нашего похода.

– Да брось ты, Сват, – впервые за всю дорогу назвал его по прозвищу Бреус, – всё у нас будет хорошо!

И мы стали спускаться к бастионам и рavelинам крепости; вблизи стало понятно, что называть грандиозное сооружение замком было как-то недостойно. От размеров скальных образований кружилась голова. Мне стало ясно, что наскоком такую громадину не обследуешь. По меньшей мере, нам потребовалась бы неделя, чтобы проникнуть во все лабиринты интересующего нас объекта. Однако надежда всё ещё не покидала нас, и мы бросились на штурм вздымавшихся из земли тысячелетних гранитных монолитов образовавших на вершине Теремка эти стены и башни.

Решили, для экономии времени, отложить обед на вечер и до темноты осмотреть, как можно большую площадь у подножья и сами так называемые стены, где-то отвесные, где-то более пологие. Занятые неотложным делом, мы не заметили, как погода стала портиться. На высоте около тридцати метров я заметил глубокую расщелину, уходившую вглубь нависших над ней скал. Сердце моё забилося в предвкушении долгожданного успеха, я бросился на штурм крутого подъёма. Цепляясь за жиденькие кустики акации, начинающие проклёвываться зеленые листья бадана, я был почти у цели, когда случайно сдвинул места большую каменную плиту, она заскользила на меня, оставляя на склоне тёмный след. Бросившись вниз, на мгновенье оглянулся. Плита, встав на ребро, покатилаь вслед за мной, всё это продолжалось какие-то секунды, недалеко от конца спуска злополучное колесо всё-таки догнало меня, и, толкнув в зад, прикрыло своей тяжестью. Нужно сказать, что преследовавший меня камень очень аккуратно обошелся со мной, ничего не нарушив в моём организме. Всё обошлось ссадинами да синяком в том месте, куда пришёлся толчок. С трудом, выбравшись из-под плиты, я снова полез вверх. На этот раз восхождение к пещере завершилось благополучно. Отдышавшись, вошёл в зияющий темнотой провал пещеры. В тусклом свете, побивающемся снаружи, можно было увидеть нагромождение обломков, упавших, видимо, со свода. Пробираясь между них достиг противоположной от входа стены. Помещение было не более десяти метров в диаметре и три – четыре метра в высоту. Заглянув во все закоулки, я не обнаружил ничего интересного, кроме кучки перьев да птичьих костей на ровной площадке недалеко от выхода. Тут, видимо, сова или ястреб разделявали свою добычу и отдыхали после удачной охоты. Разочарованный, на пятой точке съехал к тому месту, откуда начал подъём. Моих товарищей нигде не было видно.

Обнаружил их за гранитным уступом о чём-то яростно спорящими:

– Не верю я в твой клад! – кричал Вася Антропов, его карие глаза извергали молнии. – Не такие старообрядцы глупцы, чтобы прятать драгоценные вещи вблизи

монастыря. Да если они и здесь свои ценности укрыли, без знающего человека нам ни за что их не найти! Антропов всегда славился способностью подвергать сомнению любую истину.

– С такими мыслями нам нечего было начинать путешествие, – отвечал обиженный предводитель, – сидели бы дома над учебниками. Если хотите, можете возвращаться в посёлок!

По угрюмым лицам было видно, что многие из одноклассников были согласны с не выдержавшим трудностей товарищем.

Мелкий дождь, подгоняемый ветром, превратился в настоящую бурю. Все вмиг промокли. Непогода прекратила ссору. Нужно было думать об укрытии и ночлеге, ведь приближался вечер.

Неунывающий Страдов, глядя сквозь хлесткие струи, на мокрых, поникших товарищей успокаивающе произнёс:

– Ничего, братцы, пробьёмся. Сейчас нам главное спуститься с Теремка, к поселю Луки Грузинова. Там обсушимся и обогреемся, там и решим, что дальше делать.

Путь с вершины показался нам бесконечным. Было мокро, скользко и холодно. Благополучно миновав россыпи, на скользких гранях которых можно было очень просто сломать ноги, вышли сначала на мелколесье из ольхи и карликовой берёзки, а потом вступили в хвойный лес, который немного, но всё-таки укрывал от непогоды. Прошлогодние стебли мухомора, иван-чая и лабазника путались в ногах, то и дело, свивая петли для наших усталых ног, но здесь можно было безопасно упасть на мягкую землю, не опасаясь получить увечье. Дождь не прекращался, наши ватники заметно потяжелели. По мокрым брюкам вода стекала в сапоги, из которых её периодически приходилось выливать, улёгшись на спину и подняв ноги вверх. Правда эта процедура помогала ненадолго. В конце концов, смирившись с неудобствами, мы бросили это пустопорожнее занятие, и пошли отягощённые сыростью, времени было в обрез, а темнота наступала на пятки

Наконец, после недолгих поисков, нашим взорам открылась изба с дымящей трубой и тускло светящимися окнами. Откуда-то из прибрежного тальника выскочили две светло – рыжие собачонки и в два голоса начали облаивать незваных гостей. Услышав своих охранниц, на крыльце появился бородастый мужчина лет пятидесяти:

– Цыть! Пустобрехи, разве так гостей встречают? – И, подойдя к нам, с улыбкой произнёс, – не бойтесь, заходите в дом, это они от радости гавкают, давно людей не видели.

В сенях мы разулись и стали снимать с себя мокрую одежку. Хозяин помогал нам раздеваться. Снял со стены деревянное корыто, поставил на пол:

– Давайте, выжимайте лопатину, потом на печку положим, и к утру всё будет, как новое.

– Спасибо, Лука Михайлович, – поблагодарил Страдов. – Хорошо, что вас нашли, иначе плохо бы нам в тайге пришлось.

– Откуда меня знаешь? – Старик посмотрел на нашего товарища, – что-то не припоминаю, чтоб мы с тобой встречались.

– Я ещё маленьким был, когда мы с братом Михаилом к вам заезжали.

– А-а понял, чей ты! Гляжу, похож на кого-то, а на кого не пойму, теперь увидел – выкройка-то Страдовская, ни с кем не путаешь! Знал я и деда твоего Нифантия и другую родню – настоящие старожилы были, царство им небесное!

Мы быстро выжали одежду и в одних трусах вошли в просторную комнату, где трещала берёзовыми дровами русская печка. Хозяин помог нам разложить штаны и телогрейки на вместительной лежанке и, довольный, уселся на лавку, с интересом рассматривая гостей. Разморённые ребята с интересом рассматривали внутреннее убранство жилища лесного отшельника. В углу над горящей лампадкой на почерневшей полочке стояли старинные иконы, медное распятие и несколько латунных складней, на которых при свете десятилинейной керосиновой лампы можно было рассмотреть евангельские сюжеты. Ниже на столике лежали толстые книги в кожаных переплётах с металлическими застёжками. От всего этого старообрядческого великолепия веяло многовековой стариной. Нехитрая самодельная мебель и посуда уводили нас в мир, которому, как нам казалось, оставалось существовать совсем недолго. Лука Михайлович внезапно встрепенулся:

– Чем же я буду угощать вас, ребятишки? – и пошёл в кладовку за припасами. Когда он вернулся, мы уже распаковали свои рюкзаки, выложили на стол утку, рябчиков и моего голубя, оставшихся с утренней охоты.

– Не волнуйтесь, дядя Лука, мы и сами можем вас угостить, дайте нам только посуду и мы сварим замечательную похлёбку!

– Ну, молодцы, парнишки! Сразу видно, убинские вы люди. – Он поставил перед нами вместительный чугунок, а, увидев две последние булки, что мы достали, сказал: – Хлеб оставьте себе, он вам потом пригодится. Этого добра у меня в достатке. Завтра напекать еще.

– А как вы продукты доставляете сюда, – спросил Лёха Вавилин, – дорог-то нет?

– Тут нам матушка Уба помогает. Зимой, когда лёд встанет – катись куда угодно, хоть вверх в Поперечное, хоть вниз на Карагужиху. Запрягаем лошадок и привозим, что необходимо до следующего ледостава. Зимой полегче, в гости ездим, друг к другу, праздники празднуем. У меня брат Перфил Михалыч вниз по реке живёт, то он приедет ко мне, то я к нему, а то вместе в Ермолаевку или ещё куда катаемся.

Ощипав и выпотрошив дичь, начистив картошки и лука, мы поставили в печь будущий ужин. Вскоре помещение наполнилось соблазнительными запахами, а через некоторое время компания сидела за столом, уплетая сдобренный слизунном суп и обгладывая птичьи косточки.

Когда все наелись, хозяин расстелил в дальней половине комнаты кошму, накрыл её рядом:

– Ну, располагайтесь, ребятишки, как кому глянется, изба у меня тёплая, а замёрзнете, берите с вешалки полушубки.

Нас не пришлось долго уговаривать. Через минуту уставшие и намёрзшиеся путешественники провалились в мёртвый сон, в котором не существовало даже сновидений.

Дед Лука долго с умилением смотрел на сморённых усталостью отроков, пока и его не потянуло на кровать. Встав перед иконой, перекрестившись, он начал: «Да воскреснет Бог, и разыдутся врази его...», закончив молитву на сон грядущий, лёг на свою кровать и долго вздыхал, думая о чём-то своём

Проснувшись утром, я вышел во двор и поразился синеве неба, проглядывавшего сквозь остатки тумана, который по утрам всегда стоит в долине Убы. Где-то недалеко шумела река. Наш хозяин чистил хариуса на дощатом столике, собаки крутились рядом, подбирая внутренности. Возле ручья на камне стояла вымытая посуда. Поздоровавшись, подошёл:

– Дядя Лука, мы бы сами вымыли чашки.

– Для меня это не работа, – мужчина хитро посмотрел на меня, – в старые времена пришлось бы выбросить всё, из чего вы ели, – это считалось мирским, вы ведь непонятно какой веры. Теперь другие порядки, да и посуды не напасёшься, если после всех её выбрасывать.

– Мы атеисты, ни в бога, ни в чертей не верим, – гордо произнёс я.

– Во, во! А сам, поди, крещёный! Придёт время, всё поймёте. Да, что я тебя воспитываю,

Пусть родители этим делом занимаются.

Припомнилось, однажды сестра матери тётка Васенья рассказала, как меня тайно окрестили в древлеправославную веру стариковского согласия. Раньше я не придавал этому значения, но слова Луки, неожиданно заставили задуматься меня о моём месте в христианском мире.

А хозяин, видя мою задумчивость, переменял тему:

– Я утром сетёшку вытряс, теперь мы с рыбой. Сейчас такую уху сообразим, какую вы никогда не едали.

Отправив хариусов в чугуны, он понёс их в дом. Вскоре из трубы повалил сизый дым. Войдя вслед за ним, увидел своих спутников уже одетых в просохшую за ночь одежду. Справив утренние надобности и приведя себя в порядок, путешественники уселись за длинный стол в ожидании обещанной ухи. Старик резал лук у шестка. Закончив работу сел на лавку рядом с нами.

– Дядя Лука, а место, где стоял монастырь, где-то рядом? – спросил Вася Страдов.

Мужчина с интересом посмотрел на него:

– Это хорошо, что вы интересуетесь историей нашего края. Лишь бы всё это было к добру, а то приезжали тут прошлым летом прохиндеи из города, расспрашивали о золотом колоколе да старинных иконах, говорили, будто всё это большущих деньжищ стоит. Сразу они мне не понравились. Для нас, поморцев, обитель и всё, что с ней связано, свято, ни на какие деньги не мерится. Тут память о наших прадедах, дедах и отцах живёт. Направил я их в другую сторону, да и правильно, потом дошли слухи, будто сожгли они под Ермолаевкой пустующую заимку, кому она мешала? Видно, зло вымещали, что не нашли богатства. А место покажу, вы вроде неплохие ребяташки, вот поедим и сходим к матушкам.

Мы переглянулись: мудрый старик, будто заглянул в наши головы. Казалось, он знал наперёд наши желания и мысли.

Уха из хариуса получилась поистине царской, рыба, в деревянной чашке, поставленной посреди стола, источала такой одуряющий аромат, какого мне после никогда не приходилось ощущать. На некоторое время в избе воцарилась тишина, нарушаемая лишь стуком ложек о тарелки да довольным сопением насыщающихся людей. Через некоторое время чугуны опустели, а на столе сиротливо высилась горка рыбьих костей. Чай с чагыром и смородиновым листом, большая чашка с засахарившимся мёдом завершили нашу утреннюю трапезу.

Хозяин, встав и перекрестившись, глядя на образа, прочитал молитву:

– Благодарим тя, Христе Боже наш, яко насытил еси нас земных Твоих благ, не лиши нас и Небесного Твоего Царствия, но яко посреди учеников Твоих пришёл еси, Спасе, мир давая им, прииди к нам и спаси нас.

Все вышли из дома, и расселись на высоком крыльце, довольные вкусным завтраком и ясным погожим утром.

– Ну, кто со мной посетить святое место? – спросил дед Лука, завязывая ремешки на бутылках.

Несмотря на всё ещё чувствовавшуюся усталость мы поднялись и двинулись за легко шагавшим седобородым мужчиной по сырому еще после вчерашней непогоды лесу. После трудной дороги по крутому склону горы, мы вышли на небольшую поляну у берега речки Банной. Ничто не напоминало о стоявшем здесь когда-то монастыре. Лишь следы от фундаментов говорили о некогда украшавших тайгу строениях.

– Всё порушили антихристы, – сокрушался наш проводник, – ничего от обители не осталось, только память. – И стал показывать на отметины когда-то возвышавшихся здесь бревенчатых теремов. – Вот здесь был молельный дом со звонницей, там гостиная изба, остальное кельи и другие постройки. Потом то, что было построено руками нескольких поколений старообрядцев, разобрали и сплавляли на много километров вниз по Убе в посёлок Карагужиха, где построили столовую для лесорубов.

Мы внимательно осматривали землю и окрестности, но ничего напоминавшего о религиозной славе этого места не обнаружили. Увидев разочарование на наших лицах, добровольный экскурсовод спросил:

– Вы, конечно, не знаете историю возникновения Покровской женской обители, да и откуда? В школе об этом не говорят, вот и пользуетесь слухами и домыслами. Хотите, я поведаю вам всё, что мне известно?

Нам интересно было услышать рассказ о монастыре из уст человека, бывшего свидетелем существования и гибели старообрядческой святыни.

– Так вот, слушайте, как это было, – рассказчик пригладил седую бороду, – рассказ мой начнётся на далёком Урале в 1898 году. Семь девушек из Поморской общины Уфимской губернии, узнав о том, что на далёкой Убе ещё в 1880 году благодаря трудам и настойчивости Ивана Федотовича Егорова была принята вера Поморского согласия, направилась на далёкий Алтай, чтобы организовать там женскую обитель. Убовские старообрядцы сохранили имена подвижниц, их звали Ираида, Ирина, Апполинария, Мокрина, Афанасия, Серафима и Елена. Получив благословение родителей, они отправились в далёкий путь. Истинно верующие молодые старообрядки почитали за высшее счастье служение Богу в самых трудных условиях. Мы не знаем, с чем они столкнулись на тысячекилометровом пути. Главное, что во всех сибирских городах и весях их встречали единоверцы и сопровождали от одной деревни в другую, передавая в надёжные руки родственников или просто знакомых. Староверы, привыкшие в любую минуту ждать неприятностей от властей и официальных священнослужителей, бесстрашно помогали будущим схимницам, пока те не добрались до заветной Убы. Поиски места для монастыря начались с села Лосиха (ныне Верх-Уба) матушки прошли все деревни и поселья на стокилометровом протяжении, исследуя берега быстрой реки.

Лука Михайлович сел на сваленный ветром тополь и задумался. Мы расположились рядом с ним. Вася Антропов восторженно проговорил:

– Как в приключенческом романе!

– В романах враньё, а я правду рассказываю, – с чуть заметной обидой ответил ему рассказчик. – Вот здесь, на этом месте, недалеко от впадения речки Банной в Убу, было поселье семьи Уваровых, которая отдала дом и постройки для основания монастыря, а сама перебралась на Кондрашиху. С этого времени начинается

отсчёт существования женской Покровской обители Поморского согласия. Все старообрядцы верхнего течения Убы вносили посильный вклад в строительство скита. Семьи Егоровых, Гусевых, Ермолаевых, Зуевых и многих других вносили посильный вклад в общее дело. Наша семья Грузиновых тоже чем могла помогала святому делу. Знаменитая в России фамилия старообрядцев Морозовых, как барнаульских, так и московских, выделяла немалые суммы на священные книги, иконы и другие необходимые вещи. После революции один из братьев, бросив все дела в Барнауле, приехал умирать в обитель, где вскоре скончался. Вплоть до коллективизации монастырь процветал, оставаясь центром старообрядцев, сюда приезжали из Сибири, из-за Урала, не говоря уже о Бухтарминских, Уймонских и Усть-Каменогорских паломниках. И если бы не новые порядки, установленные Советами, и сейчас бы здесь оставалось всё по старому.

Дед Лука почесал затылок:

– Потом к матушкам всё чаще стали навещать люди в форме и с оружием. Было件нятно, что добром эти посещения не кончатся. К середине тридцатых годов монастыря уже не существовало. Монахинь выслали в Сибирь, но очень уж было дорого это место для матушек, если через некоторое время они вернулись в наши края. Стали жить по посёлкам и заимкам и продолжать своё служение. Вон мать Матридия до сих пор живут с матушкой Надеждой в Гусляковом ключе. Сначала старообрядцы им землянку построили, потом избу, и исполняет одна все духовные потребности, что положены ей по чину, а вторая работает по хозяйству. Изба же служит молельным домом для всех окрестных жителей. Да и другие монахини, живущие в округе, продолжают своё дело. Так что, можно сказать обители продолжает жить. Книги же, иконы и другую монастырскую утварь взяли на сохранение окрестные старообрядцы, теперь они в молельнях продолжают служить верующим.

Рассказчик встал, потянувшись, хрустнул суставами:

– Ну ладно, заговорился я тут с вами, наплёл, чего вам и слушать не положено. Вы ещё погуляйте, я пойду пчёлку посмотрю, время весеннее за ними досмотр нужен, – и он зашагал в сторону поселья.

5.

Оставшись одни, мы долго не могли посмотреть друг на друга. Стало ясно, что поход наш бесславно закончился. Страдов пытался что-то сказать в оправдание дальнейших поисков, но его атаманство в этот день закончилось. Большинство были за возвращение в посёлок. Лишь мы с Нагорновым захотели пробираться в город, где думали устроиться на работу.

В основном это было обусловлено не страхом перед родителями, а более стыдом за бесславное путешествие. Наше ещё детское, в сущности, сознание подсказывало нам фантастические картинки будущего существования на заводе, в шахте или на фабрике. Воспитанные на социалистическом реализме, ничего плохого не хочу о нём сказать – каждому времени свои литературные течения, мы твёрдо знали, что впереди у нас светлое будущее. Реальная жизнь потом быстро разбивала наши мечты, однако настрой на удачу позволил людям нескольких советских поколений свершить немало великих дел.

Страдов, Вавилин, Бреус и Антропов решили возвращаться по проторенному пути домой, а мы с Нагорновым через посёлок 8 Марта выйти на узкоколейку и по ней дойти до города.

Немного посидев на упавшем дереве, наша команда направилась к дому Луки Михайловича. Тот, увидев нас, оставил дела на состоявшейся из полсотни ульев пасеке и пошёл навстречу.

– Ну что решили-таки возвращаться в посёлок? – вопрос таёжного жителя застал нас врасплох.

– Вы дядя Лука прямо ясновидец, откуда вы всё наперёд знаете? – изумлённо воскликнул Лёха Вавилин.

– Станешь тут с вами ясновидцем, – старик загадочно улыбнулся, – вчера ко мне гости с неба прилетали – вертолётчики, рассказали, что их попросили без отрыва от своих производственных обязанностей поискать сбежавших из синюшонской школы учеников. Мимо меня они пролететь не могли, вот и оповестили о том, что возможны гости. А к вечеру и вы заявились, хоть и велика Уба, а спрятаться неопытному человеку здесь непросто. Помню, во время войны на Пахотном лагерь был, немцы военнопленные лес валили и сплавляли. Одного тоска взяла, он и убежал, да куда бежать, везде народ, или того хуже медведи или волки. Сам вышел на людей и сдался.

Лётчики сказали мне, чтоб я вас домой отправил, вы же, судя по вашему настроению, и сами решили возвращаться. Думал, придётся наставлять вас на путь истинный, но, слава Богу, всё хорошо закончилось.

– Тут у нас одна загвоздка вышла, – обратился я к Луке Михайловичу, – одни хотят по старому пути домой возвращаться, другие на железную дорогу выйти. Не подскажете, как удобней до неё добраться?

– Ну, этот вопрос мы решим, давайте пойдём, сообразим что-нибудь пообедать, а уже на сытый желудок не грех и в путь двинуться.

Хозяин на стоящей у ручья печке разогрел вчерашнюю пшённую кашу, щедро сдобрил её подсолнечным маслом и занёс в дом. Мы вошли следом. На столе уже стояла тарелка малосольных харюзков, разложив кашу по чашкам, он перекрестился и произнёс:

– Может быть, мы никогда больше не встретимся, но всегда, как сказано в молитве: «Прощайте всех даже ненавидящих и обидящих нас, благотворящим благо творите...» так завещал нам Господь. И старайтесь делать людям только добро...

После обеда мы стали укладывать рюкзаки, которые стали заметно легче. Попрощавшись с нами, одноклассники пошли по знакомой дороге назад к родному посёлку.

Проводив друзей и одев заплечные мешки, мы с Лёшкой стали ждать деда Луку, пообещавшего переправить на противоположный берег Убы. Вскоре появился и он, неся на плече длинный шест.

– Вот и видел вас всего ничего, а тоскливо становится, как представляю, что опять один останусь.

Шагая за ним по узкой тропке, я тоже почувствовал какое-то томление на душе и снова оглянулся на перелесок, старую избу у ручья, стоящие в шахматном порядке ульи.

У реки старик спустился в забок и вывел оттуда выдолбленный из ствола тополя челнок. Утлое судёнышко, не внушало никакого доверия; глядя на полуметровые волны, я подумал, что это будет последняя в моей жизни переправа. Сходные чувства испытывал и мой спутник, в чём он потом мне сознался.

– Ничё, ребяташки, это в первый раз страшно, потом привыкните, – сказал перевозчик, усаживая нас в лодку, – терпите, сами захотели, – оттолкнувшись

шестом от берега, он направил нос долблёнки наискось к далёким кустам краснотала. Действительно страшно было только в первые минуты переправы, потом меня загипнотизировали бешеные струи скакавшей на валунах воды. Я сидел, не в силах оторваться от светло-зелёных волн, которые неслись мимо ненадёжных бортов нашей посуды. Переправа не заняла много времени, вскоре мы оказались на противоположной стороне Убу.

Потрясённые пережитым, мы высадились на валуны и гальку возле невысокого яра. Привязав чёлн за толстые стволы тальника, Лука Михайлович провёл нас через прибрежные заросли ивняка к дороге, не знавшей, что такое колесо. На сыкотной земле видны были лишь оттиски подков да следы от бутыл, указывая вверх по течению, сказал:

– Идите в ту сторону, километров через двадцать мост подвесной будет, перейдёте по нему в посёлок 8 Марта, спросите, как добраться до Королёвки, а там узкоколейка сама приведёт, куда нужно. Ну, давайте прощаться, Даст Бог, может быть, ещё увидимся. И не убегайте больше, от этого всем плохо и отцу с матерью, и вам самим, конечно. Жизнь она и так непростая вещь, чтоб осложнять её дурными поступками. Грех супротив родителей-то идти, а за грехи всегда спрос будет, – и, махнув рукой, старик, направился к тому месту, где оставил лодку.

Проводив взглядами удаляющуюся фигуру деда Луки, мы с Лёшкой зашагали, обходя лужи по извилистой каменистой дороге. Солнце ласково светило нам в спины, словно подталкивая вперёд, в неизвестность. Отдохнувшие ноги легко несли наши юные тела к новым приключениям. Скрылись сзади вершины Теремков, казалось, теперь мы спокойно пройдем двадцатикилометровый путь до 8 Марта. Мимо прошёл мальчишка лет шести с удочкой и нанизанными на кулан из прута краснотала пескарями. Спросили о названии деревни, которую только что оставили слева. Тот с любопытством, разглядывая нас голубыми глазами, по взрослому ответил:

– Это наше Загайновское. Деда основали, теперь вся наша родня живёт. Если хотите, заходите, хоть чай попьёте.

Время не позволяло нам распивать чай, к вечеру необходимо было дойти до моста через Убу. Мальчик по-врослому попрощался, подавая каждому маленькую ладонь, и зашагал к весело отсвечивающим на солнце крышам селения. Дорога шла по берегу, то и дело попадались мелкие ручьи, которые не мешали нашему движению. Через полчаса мы нагнали идущего в ту же сторону седобородого мужичка в старенькой фетровой шляпе. Определить, сколько ему лет, было трудно, но шагал он довольно резво. Разговорились, он шёл с одной из заимок в Ермолаевку к родне. Жаль, теперь не помню ни имени его, ни фамилии. Спутник наш оказался довольно разговорчивым и знающим историю края. Оказалось, каменистой тропе, по которой мы шли, не одна сотня лет. Она всегда связывала Ойротию с Прииртышьем, где испокон веков устраивались ярмарки, где встречались люди гор со степняками. Первые везли меха и другие товары, присущие их местности, вторые гнали табуны лошадей и овец. Под Семипалатинском или в других местах совершался торг и обмен. После тем же путём алтайцы возвращались домой. Я представил себе караван лошадей с перемётными сумами, всадников в лохматых шапках, говорящих друг с другом на непонятном языке, и будто бы побывал в далёком прошлом.

Слева показалось большое поселё, наш попутчик сказал, что называется оно Гусляково, что и здесь у него живут родственники. Да и вообще по Убе почти все находятся в родстве. Когда начиналось освоение этих мест, деревни и заимки за-

кладывали на семейной основе. Вырастали дети, парни брали невест из соседних поселений, девушки выходили замуж тоже по-соседству. Только позднее, чтоб не было кровосмешения, стали привозить невест издалека, благо, что на Уймоне и Бухтарме староверов хватало.

Тропа всё круче забирала вверх, пока не вышла на карниз, протянувшийся метров на 600, на котором не могли разойтись едущие навстречу друг другу верховые. Наш попутчик сказал, что всадники, издалека осматривают опасный путь и начинают движение, только убедившись, что навстречу никто не едет. Бывало, на этом участке сваливались в пропасть лошади и жеребята.

Внизу ревела Уба, это была знаменитая Сущья Дыра. Давно наслышанным об этом чуде природы нам было очень интересно воочию его увидеть. А посмотреть было на что. И без того бурная Уба, втиснувшись между двух утёсов в узкое ущелье, неистовствовала, не в силах вынести хотя бы намёка на неволю. Она на протяжении многих десятков метров ревела и бесновалась, бессильно билась о гранитные скалы, поднимая целые облака брызг, в которых сверкали многоцветные радуги. В нас объединились и страх, и восторг, желание влиться в бурлящий, пенящийся горный поток. От такого зрелища замирало сердце, наполнялась восторгом душа, человек чувствовал себя сопричастным к таинствам природы и самому Создателю. Смотреть в искусно сплетённые рекой струи несмотря на пробиравшуюся под одежду сырость можно было бесконечно долго. Наш спутник тоже с почтением глядел на бурлящую реку, хотя видел он эту картину несчётное количество раз. Видимо колдовские чары одинаково касаются всех, кто хоть однажды увидел это волшебство. Взглянув в последний раз на нескончаемую пляску волн, мы продолжили свой путь по узкой дороге над ревущим руслом реки.

Отойдя на расстояние, где шум воды не заглушал голоса, наш попутчик открыл нам ещё одну тайну реки:

– Где-то здесь закончил свою поганую жизнь Антипка. Много тогда, после революции, а особенно в коллективизацию развелось всякого отребья, и хоть край наш глухой, но и к нам добирались лихие люди. Так вот, этот изувер ездил по заимкам и поселям, грабил здешний народ. После говорили, что у него были списки богатых крестьян, наверно кто-то знакомый из властей снабдил его этими сведениями. Потому что раскулачивать начали с тех, у кого до милиционеров побывал Антипка. Но недолго гулял бандит, его застрелили из трёхлинейки на этой тропе, когда он ехал с очередного дела. Лошадь, запряжённая в передок, испугавшись выстрела, понесла и сумела освободиться от двухколёсной повозки, налетев на большой камень. Убитый Антипка долго оставался лежать на бочке с награбленным добром, как потом брезгливо шутили убовские кержаки «прокис на бочке».

Дойдя до поворота на Ермолаевку, мы попрощались со своим неожиданным спутником.

Не знаю, каким образом, но события этого дня, красота и дикость природы сильно подействовали на моего товарища. И без того задумчивый напарник стал ещё грустнее, наконец, не в силах удерживать свои мысли, заговорил:

– Не обижайся, но на 22-м километре я оставляю тебя и пойду домой. Как представляю себе, что пережили мои близкие за это время – жизни не рад!

Я очень хорошо понимал своего товарища, те же мысли подтачивали и моё сознание, но врождённая упёртость не позволяла согласиться и вместе вернуться в посёлок.

– Ты как хочешь, а я пойду в город.

Так оставшись каждый при своём мнении, мы продолжили путешествие. А солнце опускалось к вершинам деревьев. Слева появилась довольно высокая гора «Ермолаевский белочек», её отрог, выдвинувшийся в сторону горы Голушонок, заставил Убу описать большой полукруг вокруг него. В начале и в конце загиба люди построили две деревеньки, одну из которых называли обыкновенно Ермолаевка, вторую в духе времени – 8 Марта. В ней была организована артель по изготовлению хомутов, саней и прочих необходимых для гужевого транспорта вещей.

Перевалив через горку, разделявшую два поселения, нашли тропу к висячему мосту. По качающимся на стальных канатах деревянным щитам переправились на левый берег и вышли на недлинную улицу. Начинало смеркаться и, подойдя к первой попавшейся женщине, мы попросили разрешения заночевать в её бане.

– Да жалко, что ли, там ещё тепло должно быть, вчера только топили, вон она на берегу, – сказала она в ответ, – только курить на улицу выходите, не дай Бог, спалите.

Мы успокоили её, заверив, что не подвержены этой дурной привычке.

Внутри пахло дымом, а от уложенных на большое железное колесо валунов исходило ощутимое тепло. Такая печь называлась каменкой и до шестидесятих годов прошлого столетия была незаменимым атрибутом деревенской бани. Дым во время топки выходил в отдушину и через дверь, потому на стенах и потолке скапливалась сажа, которую перед помывкой приходилось сметать, но это неудобство компенсировалось отсутствием каких-либо микробов, вредных для организмов парильщиков. Недаром же таёжные жители славятся долголетием.

В фонарике почти сели батарейки, и при тусклом свете мы улеглись на полке. Сон в эту ночь долго не приходил к нам, а потом мучили страшные сновидения, заставлявшие просыпаться и всматриваться в окружающий мрак. Как известно, в преданиях баня считалась местом обитания «банника», одного из героев русского фольклора.

Долгая ночь, наконец, закончилась. Сквозь щель в отдушине в помещение заглянуло утро. Выйдя на свет Божий, и посмотрев друг на друга, мы с Леонидом долго хохотали. На нас действительно стоило посмотреть. Видимо, ночные кошмары, не дававшие спокойно спать, помогли нам собрать изрядное количество сажи со стен на лица и одежду. Собрав рюкзаки, зашагали по тропинке в сторону посёлка Королёвка и у первого ручья привели себя в маломальский порядок. За два часа одолели около восьми километров, увидели посёлок, который, как брат, походил на наш Синюшонок. Такие же бараки, лесовозная дорога, кран и узкоколейка, по которой нам предстояло шагать да шагать. Но глаза боятся, а ноги несут, и к полудню мы пришли к месту, где стальной путь разделялся.

Здесь на водоразделе правая ветка шла в сторону нашего посёлка, левая в сторону города. Предстояло расставание. Время, проведённое в походе, сроднило нас и невольно каждому стало грустно. Спустившись с насыпи, мы сели на пологом берегу горной речки, разложили оставшиеся продукты на полотенце и пообедали, запивая еду хрустальной водой. Прилегли на землю, оглядывая окрестности. Нас окружали поднимавшиеся под две тысячи метров округлые Голуха и Голушонок, на севере вонзала в голубое небо свои гранитные пики острокаменная Татарка. Солнце ласково пригревало весенний мир и казалось, было слышно, как пробивается из отогревшейся почвы первая весенняя травка. Хотелось забыть все неприятные события последнего времени и лежать бесконечно, наслаждаясь светом, теплом, красотой родного края. Но предназначенная свыше каждому из

нас линия жизни торопила вперёд. Обнявшись на прощание, мы пошли каждый в свою сторону.

Глядя вслед удаляющейся фигуре товарища, я ощутил, как душу охватила тоска, никогда раньше не бравшая меня с такой силой. Вспомнились все хорошие минуты, испытанные за недолгую ещё жизнь. И оказалось, что связаны были они с родителями, братьями и сестрой. Чувство вины перед ними вошло в растревоженное думами сознание. Сейчас понимаю: то, что происходило, бывает со всеми, кто вступает в непростую пору взросления. Приходит время задуматься над правильностью своих поступков и освободиться от иллюзий, сбивающих нас с истинного пути. Но всё это происходит не так быстро, как хотелось бы.

Зная, что нас ищут, я старался идти подальше от людских глаз по тропе, протоптанной параллельно узкоколейке. Но долина с рекой приблизилось к насыпи и мне волей-неволей пришлось выбираться на пропахшие креозотом шпалы. С другой стороны манёвр ограничивал крутой склон сопки. Тем, кто хоть раз шагал посреди рельсов, известно, как непривычна такая ходьба. Увлечённый старанием подстроиться под постоянно меняющееся межшпаловое расстояние, поздно услышал, что ко мне, сигналив, приближается маленькая, на четырёх человек, дрезина. Сойдя с дороги, сел на насыпь спиной к проезжающим. «Пионерка», миновав меня метров через десять, вдруг вернулась и остановилась рядом. Высокий милиционер в тёмно-синей форме, хрустя по щебню насыпи яловыми сапогами, подошёл ко мне и взглянул в лицо:

– Ну, вот и добегался, парень! – его круглая физиономия светилась улыбкой, – давай садись, карета подана, – и указал на пустое сиденье.

Делать было нечего, пришлось устраиваться рядом со стражем порядка. До города оставалось каких-то пятнадцать километров. Молодой сопровождающий всю недолгую дорогу рассказывал водителю анекдоты и громко смеялся, не обращая на меня никакого внимания. После короткой остановки на разъезде Крольчатник колёса дрезины вновь застучали по сверкающим на солнце рельсам. Промелькнули 6-ой километр, динамитка, дома и огороды Гавани и вот, наконец, нижний склад Лениногорского леспромхоза. Здесь мы покинули доставившее нас транспортное средство.

Крепко взяв за руку, сержант повёл меня по улице Вокзальной к отделению милиции. В то время это была одна из основных магистралей города. Даже название говорило, что начиналась она от железнодорожной станции, широкая колея которой, соединяла маленький горняцкий город с остальным миром. Бульжная мостовая, выложенная пленными немцами, была полна народа и люди с любопытством смотрели на храброго милиционера, ведущего угрюмого мальчишку в видавших виды кирзовых сапогах, кепке и ватнике.

Отделение милиции находилось в двухэтажном доме, похожем на дома, построенные когда-то молодой Советской властью для наших и иностранных специалистов, которых местные бергалы называли почему-то «еропланщиками».

Меня завели в кабинет начальника, и сержант доложил сидящему за столом офицеру:

– Товарищ капитан, вот доставил последнего беглеца из синюшонской школы. Остальные уже дома или на подходе к посёлку.

Я, потупившись, стоял перед офицером, впервые оказавшись в роли задержанного.

Тот строго посмотрел на меня:

– Ну и чего вам не сиделось дома? Насколько я знаю, отец у тебя уважаемый человек в посёлке, да и у других родители хорошие люди, вы сыты, обуты и одеты, остаётся только учиться. Эх, выпороть бы тебя, чтоб неделю на стул не мог сесть! Помню, мы в войну, и недоедали и после занятий в школе шли на рудник помогать взрослым, летом вкалывали на подсобном хозяйстве комбината, косили сено, возили копны, пропалывали и убирали овощи на полях. Нам и в голову не приходило, куда-то убежать, а если убегали, то только на фронт. Потому и победили, что дисциплина была железной. – Он немного помолчал, потом подобревшим голосом продолжил: – Сейчас, конечно, мирное время, но представь, не задержали бы тебя, связался бы со шпаной, а там прямая дорога в колонию – и покатился по наклонной от отсидки до отсидки.

Суровый начальник милиции очень доходчиво описал мне моё будущее, потом встал, усадил за стол напротив сержанта и, положив стопку бумаги, произнёс:

– Пиши объяснительную, оттого, что ты расскажешь, зависит, отпустим мы тебя с отцом, который сейчас по делам в городе, или оставим в отделении. Главное, пиши правду!

Сгорая со стыда, я помакнул ручку в чернильницу. Каким романтичным был наш поход в мечтах, всё казалось легко исполнимым, и вот, глядя на чистый лист, понял, как нелегко будет рассказать о нашем путешествии всё, ничего не скрывая. Но писать было нужно, и перо моё закрипело, выводя неровные буквы. Закончив писать, отдал своё творение капитану.

Тот внимательно прочитал, хмыкнул:

– Археологи! Изыскатели! Дураки! Всё равно вы поступили неправильно. Подумай, сколько людей было отвлечено от работы, а у родителей ваших, сколько седых волос в голове прибавилось? Эй, да что я, пусть близкие сами с тобой разбираются! – Он достал папку и углубился в чтение каких-то документов.

Я со страхом ожидал встречи с отцом, он нас никогда не бил, но в этот раз проступок был слишком велик, чтобы остаться безнаказанным. Опустив голову, покорно смирился со своей участью. Наконец дверь открылась, и дежурный доложил:

– Товарищ капитан, явился родитель задержанного.

– Пусть войдёт!

В кабинет почти бегом вошёл мой папа и бросился ко мне, осматривая и ощупывая нашедшегося скитальца:

– Слава Богу, жив, здоров! На глазах были заметны слёзы. Обняв меня, он постоял, успокаиваясь, и спросил неглядевшего в нашу сторону офицера милиции:

– Можно забирать?

– Сначала прочтите объяснительную и распишитесь, что мы отдали его вам в целости и сохранности.

Отец пробежал глазами моё сочинение, расписался в протоколе и протянул руку хозяину кабинета, тот, пожав её, сказал:

– Постарайтесь, чтоб такого не повторялось!

Отец кивнул, и мы вышли на залитую солнцем улицу Вокзальную.

Ожидая чего угодно, я не готов был к такому развитию событий и если честно, плохо соображал, что же со мною происходит. С библейской притчей о блудном сыне в те атеистические времена нас никто не знакомил, а самому мне трудно было понять незаслуженную доброту отца. Прошло потом много лет, и только тогда, когда у самого появились дети, я осознал всю глубину и бескорытность родительской любви.

Времени до отхода поезда было достаточно, и мы пошли в летний кинотеатр. Названия и содержания фильма не помню, поскольку от переживаний и усталости сразу же, как только погас свет, заснул.

После киносеанса кто-то подвёз нас на нижний склад леспромхоза, где мы сели в один из двух пассажирских вагонов узкоколейки и в пятом часу утра были дома, где меня радостно встречали мама, братья и сестра. При свете керосиновой лампы мы с отцом попили молока, затем все легли, в восемь нужно было идти в школу старшим работать, младшим учиться.

Проснулся я от тёплых капель упавших на моё лицо. Дизель электростанции уже работал и в свете, падающем из двери соседней комнаты, я увидел склонившуюся надо мной мать. Ласково глядя мою голову, она беззвучно плакала. Смешанные чувства любви, боли, вины и жалости охватили меня. Сев на кровати я обнял её и тоже заплакал.

– Ты же знаешь, как я люблю вас всех, – зашептала мама, – и как мне больно, если с вами что-то случается. Прошу тебя, не огорчай больше нас с папой.

Сквозь всхлипы я поклялся, что такого больше не повторится, и твёрдо верил в ту минуту, что говорю правду, но не зря написано в Евангелии – «Не клянись!» Сколько раз потом нарушал свою клятву – не сосчитать, и мать всегда прощала меня. Теперь-то, прожив жизнь, отчётливо вижу все свои грехи и ошибки и сожалею, понимая, что исправить ничего нельзя. Остаётся молиться и верить в прощение.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

На этом я хотел поставить точку, добавив, что в посёлке нас долго дразнили китайцами. После окончания восьмилетки пути моих товарищей по «путешествию» разошлись. Одни остались на лесоучастке, и после окончания СПТУ продолжили дело отцов и валили лес, другие продолжили учёбу в средних школах города. Первое время мы ещё встречались, приезжая летом на каникулы. Потом встречи стали реже, а после закрытия лесоучастка и вовсе случайными. Судьба разбросала нас по разным концам страны, и теперь одноклассников в городе почти не осталось.

Но точка не ставилась. Сначала в моей жизни появился Михаил Александрович Страдов брат нашего предводителя Василия, с которым мы, несмотря на разницу в возрасте, сдружились. В свои 90 лет, он ещё полон сил и по мере возможности занимается своим любимым делом пчеловодством. Он-то и поведал мне о брате, который в тридцать лет умер от инфаркта в Ленинграде.

А затем после завершения первого варианта рассказа, как по мановению волшебной палочки, в моей жизни стали появляться одноклассники из далёких шестидесятых прошлого века.

Недавно зазвонил телефон и отдалённо знакомый голос в трубке произнёс:

– Не узнаёшь? Это Виктор Гюнтер, помнишь такого?

Ну, как мне было не помнить Витьку, с которым жили в одном бараке, через квартиру и учились в одном классе. Прочитав в моей книге ностальгические воспоминания о посёлке нашей юности, он разыскал меня. Сейчас Виктор Эдуардович профессор Томского Государственного университета, директор НИИ медицинских материалов, заслуженный деятель наук РФ.

Через некоторое время мне удалось связаться с ещё одним одноклассником Сыроевым Николаем, который является ведущим сотрудником Федерального

Ядерного Центра, что в городе Сарове (бывший Арзамас-16). Николай Яковлевич кандидат наук, Лауреат премии Правительства РФ в области науки.

И ещё одна соклассница неожиданно вспомнила обо мне. Мария Ковалёва позвонила, когда я дорабатывал рассказ. Школьная учительница, вышедшая на пенсию, вспомнила обо мне и первый вопрос, который она задала, был: «Помню ли я, как мы сбегали из школы и скитались в тайге?» Всё-таки существует в мире, какая-то телепатическая связь.

По мере возможности я побывал в некоторых местах, где проходила тропа нашего путешествия в Пахотном и на Сушьей Дыре, которая после прокладки дороги на рудник Чекмарь потеряла свою первозданную красоту. Она показалась мне не такой величественной, как прежде. Хотя для туристов, сплавающих по реке, пройти это место без потерь считается большим достижением. Не зря же в том месте, где река выйдя из теснины успокаивается местные жители находят ружья, фотоаппараты, вёсла и другие вещи потерянные при крушении плотов и катамаранов.

Удалось мне встретиться со снохой бабушки Алаихи Еленой Петровной и жившей рядом с ней на Пахотном Галиной Сергеевной Макелло. От них я узнал, что Евдокия Ивановна воспитала семерых детей, дождалась внуков и правнуков и помогала им всем, чем могла. А , что до несметных богатств, якобы накопленных вечной труженицей ни сноха ни соседка бабушки не подтвердили досужих слухов. Трудом праведным не наживёшь палат каменных.

Попарился я и в баньке по чёрному, неподалеку от 8 марта в поселье Ефима Назаровича Гуслякова, известного убинского старовера. Правда теперь баня построена по-современному, и измазаться копотью там было невозможно.

Под конец мне хотелось бы извиниться перед читателями, если, где-то не, желая того, согрешил перед истиной, времени прошло много, а память человеческая иногда даёт сбой.

Ностальгия заставила побывать меня на месте, где находился лесоучасток, однако это была невесёлая встреча с юностью. Развалины бараков, клуба, школы добавили ещё одну морщинку на лице. Неизменной осталась только природа. Гора Синюшонок всё так же светится тремя голубыми лысынами, течёт из-под её россыпей одноимённая речка, зеленеет акациями и берёзами Школьная гора.

То же, что было создано людьми, скоро превратится в прах и порастёт сначала малиной и иван-чаем, а после через сотню лет новым малахитовым пихтачом.

30 августа 2015 г.

